

О РУССКОЙ ЧАСТУШКЕ Д. К. ЗЕЛЕНИНА

Первым замеченным в научных кругах трудом выдающегося русского этнографа Д. К. Зеленина (1878 – 1954) стала его небольшая статья «Новые веяния в народной поэзии», посвященная пренебрегаемому многими фольклористами в то время жанру – частушке. В науке начала XX века устойчивым было представление о частушке как об «извращении народного творчества», как о фабрично-трактирной поэзии, отражающей упадок нравов. Д. К. Зеленин в своей работе реабилитировал частушку как жанр. Главной мыслью исследователя было следующее. Частушка родилась как отражение развития личности, индивидуального начала в бывшей патриархальной деревне. Коротушки направлены не на выражение обобщенных чувств, как это делает старая песня, а на выделывание индивидуальных переживаний. Этому жанру, по мысли Д. К. Зеленина, нельзя отказать в серьезном идеином содержании. Так, частушка протестует против семейного деспотизма, против домостроевских правил, согласно которым судьба молодых людей решалась их родителями. В частушке отчетливо звучит мотив отстаивания молодежью своей свободы в выборе будущего мужа (жены).

Статья «Новые веяния в народной поэзии» оказалась необычно злободневной и вызвала неожиданно много откликов¹. Но самое главное, она и последующие труды Д. К. Зеленина по частушкам² стали важным катализатором в том настоящем взрыве частушечных публикаций, которым ознаменована предреволюционная фольклористика³. С полным основани-

¹ Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии // Вестник воспитания. 1901. № 8, ноябрь. С. 86 – 98. То же. Отд. оттиск.

² Погодин А. [Рец.] // Русская школа. 1902. № 5–6, Критика и библиогр. С. 12 – 14; Наша печать // Санкт-Петербургские ведомости. 1901. 16 дек. № 345; Газетный день (раздел) // Россия. 1901. 17 дек. № 951; Соболевский А. И. [Рец.] // Литературный вестник. 1902. Т. 3, кн. 3. С. 299–300.

³ Зеленин Д. К.: 1) Черты современного народного быта по частушкам // Русские ведомости. 1903. 8 янв. № 8. С. 3; 2) Поэзия казенных детей // Волховский листок. 1904. 14 июля. № 266; 3) Сборник частушек Новгородской губернии (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского) // Этнографическое обозрение. 1905. № 2–3. С. 164 – 320; 4) Южно-великорусские «страдания» // Этнографическое обозрение. 1906. № 1–2. С. 101 – 104.

⁴ См.: Русский фольклор: Библиогр. указатель. 1901 – 1916 / Сост. М. Я. Мельц. Л., 1981. С. 150 – 162.

ем мы можем утверждать, что путь Д. К. Зеленина в большую науку начался с частушки.

Хаос революции и гражданской войны Д. К. Зеленин, уже сложившийся ученый, известный этнограф и фольклорист, пережил в Харькове, куда он был приглашен еще в 1916 году в качестве профессора Высших женских курсов, влившихся впоследствии в Харьковский университет. 1918 – 1922 годы явились для исследователя временем молчания. Ход нормальной научной жизни был нарушен, печататься было негде, учебный процесс в университете потерял свою стабильность. Однако ученый продолжал напряженно трудиться. И центром притяжения его внимания в эти годы, как и в юности, опять стала частушка. В обширном зеленинском фонде, хранящемся в Санкт-Петербургском отделении архива Российской Академии наук, находятся две папки, озаглавленные «Политическая частушка. Ч. 1–2»¹. Здесь сосредоточены записи самого Д. К. Зеленина и его многочисленных корреспондентов, посвященные политической частушке революционной эпохи. Долгое время названные папки были недоступны исследователям. Сейчас, после падения тоталитарного режима, этот материал ждет своего научного осмысления, причем не только фольклористами, но и историками и социологами.²

Однако первая попытка проанализировать частушечные тексты своей коллекции была сделана уже самим Д. К. Зелениным. В 1925 году он публикует в немецком журнале «Zeitschrift für slavische Philologie» статью «Das heutige russische Schnaderhüpfli (Castuska)»³. Двадцатые годы – достаточно своеобразный период в советской истории. Это время, когда тоталитаризм в стране окончательно еще не утвердился. Ученые еще не осознали, что в науке могут быть опасные, запретные темы. Естественными и непредосудительными все еще казались связи с границей и публикация за рубежом своих трудов. Но первые веяния политических заморозков уже начинали сказываться на работе исследователей. Самоцензура, которая довлела над научной мыслью на протяжении последующих десятилетий, зарождалась именно в двадцатые «плюралистические» годы. Отразилось это и на названной статье Д. К. Зеленина. В аналитической части этого труда ученый дает общую (и блестящую) характеристику художественных особенностей частушки как жанра. Он обращает внимание на генетическую связь коротушек с плясовыми припевами, указывает на превалирование текста над напевом в этом жанре, на ярко выраженное в частушках индивидуальное начало, на их реалистичность (в отличие от старинной песни, где преобладает идеалистический взгляд на мир). В целом, ученый развивает идеи, высказанные им еще в 1903 году в труде «Песни деревенской молодежи» (кстати, текст немецкой статьи отчасти совпадает с названной работой)⁴. Но от анализа политического содержания

¹ Санкт-Петербургское отделение архива Российской Академии наук. Ф. 849. Оп. 1. Ед. хр. 562.

² См. нашу публикацию, сделанную по материалам Д. К. Зеленина: *Иванова Т. Г. «Ай, да славный, красный Питер...»: Городская частушка времен революции и гражданской войны // Родина. 1994. № 7. С. 61 – 65.*

³ Zelenin D. Das heutige russische Schnaderhüpfli (Castuska) // Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd 1, № 3–4. S. 343 – 370.

⁴ Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи (Записаны в Вятской губернии). Вятка, 1903. С. 8 – 11.

публикуемых им текстов Д. К. Зеленин уклоняется. Его сочувствие, по-видимому, было полностью на стороне тех частушек, которые были направлены против советской власти. Однако высказывать эту свою позицию открыто фольклорист не решался. Поэтому он остается на объективистских позициях, предлагая читателю самому, исходя из печатаемого материала, судить о настроениях разных слоев общества в переломную историческую эпоху.

Столь же сдержанна и единственная рецензия на статью Д. К. Зеленина, опубликованная в советской печати. Автор ее, А. Акулянц, осторожно писал о том, что городские частушки революционного времени «принимают политическую окраску, причем весьма выпукло выявляется перемена содержания частушек сообразно с переменами и последовательными fazami политической жизни страны»¹.

Ниже мы публикуем перевод с немецкого данной статьи Д. К. Зеленина, которая практически неизвестна современным фольклористам. Эта работа кажется нам весьма актуальной по двум причинам. Во-первых, здесь представлен уникальный фольклорный материал, в настоящее время уже ушедший из традиции. Введение его в научный обиход, надеемся, послужит на пользу отечественной фольклористики. Во-вторых, необычайно свежей является исследовательская часть названного труда. Многие мысли Д. К. Зеленина о частушке, высказанные в этой статье, остаются плодотворными и в наше время. Интересны и частные наблюдения автора, например, над заражением популярных частушечных мотивов «Яблочко» и «Бочка».

При подготовке статьи к печати были выверены все цитаты; ссылки на труды других ученых оформлены в соответствии с современными правилами. В текстах в некоторых случаях уточнена пунктуация.

Т. Г. Иванова

¹ Акулянц А. [Рец. на журн.: Zeitschrift für slavische Philologie. 1925. Bd 1, № 1 – 4] // Краеведение. 1925. № 3–4. С. 338.

Д. К. Зеленин СОВРЕМЕННАЯ РУССКАЯ ЧАСТУШКА*

Уже около полутора столетий частушка в русских деревнях является самой современной формой народной поэзии. В последнее десятилетие она проникла и в город, причем это произошло ранее, чем свершилась добровольная или не совсем добровольная демократизация русской городской интеллигенции, которая характерна для нашего времени.

Итак, сегодня частушка является принадлежностью и городского и сельского населения, и верхних и нижних слоев общества (если подобное разделение сегодня возможно); распространяется частушка в настоящее время как письменным, так и устным путем.

Последние годы были временем бурного расцвета частушки, которая благодаря своей краткости и эфемерности содержания, очевидно, лучше всего отвечает условиям и потребностям революционного времени.

Но, несмотря на это, мы все еще мало знаем о частушке. До сих пор еще не решен даже самый важный вопрос — о времени ее возникновения, молоды она или стара.

Часть исследователей вместе со старшим поколением сегодняшней деревни признает частушку «новой песней», в то время как другие учёные с такой позицией не согласны. К последним принадлежит А. И. Соболевский. В 1901 году он высказывался в том смысле, что частушка не является новым видом народной поэзии, так как она исполнялась уже во время хороводов и зимних бесед в кругу крестьянок: «Старые собиратели народных песен не обращали на нее внимания и не вносили еще в свои сборники; но частушка им была известна» (Соболевский А. И. [Рец. на кн.: Зеленин Д. К. Новые веяния в народной поэзии. М., 1915] // Литературный вестник. 1902. Т. 3, кн. 3. С. 299).

Я также не сомневаюсь в том, что частушка существовала уже в XVIII веке. Это доказывается однозначным сообщением современника — известного украинского писателя Г. Ф. Квитки-Основьяненко (в его очерке «Татарские набеги»). В 1757 году полк слободских казаков был переформирован в гусарский полк, и в связи с этим Г. Ф. Квитко-Основьяненко пишет: «Девчатаам прибавилось забот: все песни были на козаченьков; теперь те же молодцы да перевернуты в гусары, не ладятся песни, давай сочинять новые. Много и скоро явилось новых; вот сколько помню <...>:

* Доклад, прочитанный 18 марта 1922 г. в Литературной секции Харьковского ученого общества.

Через греблю вода рине
Любы мене, гусарыне...

Или:

Гусарыне черноусый,
Чому в тебе капитан кущий?
Гусарыне, видчепыся
И на мене не дывыся».

[Грыцько-Основ'яненко. Татарские набеги //
Грыцько-Основ'яненко. Повести и рассказы. Харьков, 1901. Т. 3. С. 133 (Сочинения
Г. Ф. Квитки)]

В этих песнях несложно узнать частушки. Тем не менее последние я считаю новым родом песен. О прошлом русской народной поэзии мы знаем очень мало, так мало, что я полагаю абсолютно невозможным рассматривать их согласно меркам обычной хронологии, которая исчисляется столетиями. Здесь нужен другой масштаб, который мы можем получить через сравнение сегодняшней частушки с теми видами народной поэзии, древность которых не подлежит сомнению.

Вопрос в том, чем сегодняшняя частушка отличается от остальных народных песен.

Можно было бы указать на их краткость, но этот признак был бы недостаточной меркой, так как короткой может статься и любая другая песня, относящаяся к «частым», с быстрым ритмом, а под этот признак подходят многие старые плясовые песни.

Важнейшими и существенными я считаю следующие четыре особенности частушки, из которых первые две относятся к форме, а другие две – к ее содержанию.

1. Еще не так давно частушка была плясовой песней: когда ее пели – часто (или нередко) танцевали. Сегодня совсем исчезла и ранее слабая связь между частушкой и танцем. Она не связана ни с танцем, ни с другими обычаями и ритуалами. Так, собрание петербургских частушек В. Князева (*Князев В. Жизнь молодой деревни. Частушки-коротушки С.-Петербургской губернии. СПб., 1913. С. 18 – 20*) содержит только 40 плясовых частушек из общего числа 1620, то есть менее 3%. «Рифмованные четверостишия, употребляемые в разного рода играх и хороводах, никогда не называются частушками» (Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи (Записаны в Вятской губернии). Вятка, 1903. С. 9).

Отсутствие связи между сегодняшней частушкой и пляской отделяет частушку от ее ближайшего предшественника – плясового припева, который в деревне считается старинной песней, в то время как частушка – новой. В 1862 году известный этнограф Г. Потанин сделал следующее наблюдение над сибирскими казаками. О плясовых песнях он писал: «Их на Иртыше почти нет, но музыканты по временам подпевают под музыку множество отрывков, вроде следующих <...>:

Еще что за чертова любовь?
Потерялася из погреба морковь.
Приходили две чертовки да свекровь.

Или:

Ты нугай, нугай, нутай,
Ужь ты бабу не пугай!»

(Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник, издаваемый Имп. Русским географическим обществом. СПб., 1894. С. 60–61)

Тридцать таких «рефренов или припевов, которые поются пляшущими парнями и девушками» из Тульской и Курской губерний, приводит П. В. Шейн в своем собрании «Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п.» (СПб., 1900. Т. 1. С. 173), очевидным образом не разделяя частушки и припевы. Я также собрал в 1900 году в Вятской губернии некоторое количество плясовых припевов (Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи. С. 77 и далее), которые весьма соответствуют наблюдениям Потанина, с той лишь разницей, что там чаще пели сами танцующие, а не музыканты. Не остается сомнений, что частушка как особый вид песни развилась из плясовых припевов (см.: Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи. С. 78; Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. С. XXIV). Е. Н. Елеонская склонна даже считать старые плясовые припевы и сегодняшнюю частушку одним и тем же видом песни — взгляд, с которым едва ли можно полностью согласиться.

II. Оторванная от танца и отделенная от ритуала, от игры и народных обычаяев, частушка почти полностью потеряла связь с музыкой и пением, что значительно отличает ее от старинных песен, где музыка имеет большее значение, чем текст. «Частушки столь же часто говорятся (как бы декламируются) в народе, как и поются. Пение же их всегда унисонное, и мелодия самая упрощенная. Для такого рода пения в народе существует особый, очень меткий термин: «насказывать». «Славно он насказывает, — выражаются одинаково и о деревенском парне, поющем свои песенки под гармошку, и о балаганном куплетисте <...> Нередко также частушки зовут в народе <...> прибаютками (от «баять» — говорить), присказками, прискаженками и т. п. Таким образом, покойный Глеб Успенский, окрестивший частушку стишком <...>, был вполне прав: частушка действительно хочет быть стихотворением, а не песнею», — так я писал двадцать лет тому назад (см.: Зеленин Д. К. Песни деревенской молодежи. С. 9–10). С тех пор разрыв между поэтическим текстом и напевом в частушке стал еще более значительным и глубоким — факт, который признается и сторонниками относительной древности частушки. «Связь с музыкой в частушке недостаточно тесна и что главное внимание поющих обращается на содержание частушек, а не на их музыкальную сторону» (Дмитриева Е. Замечания о музыкальной стороне частушек // Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. С. 505). «Частушка — вид русской народной песни, обильной словами, но бедной музыкой» (Там же. С. 503).

Старая народная песня, напротив, отличается, как известно, полным слиянием двух видов искусства, то есть поэзии и музыки, из которых последняя даже занимает ведущее место. Такой вид песни, как частушка,

который уже не пелся, а декламировался (*сф. насквозь*), мог появиться лишь тогда, когда окончательно прошло время синкретизма музыки и поэзии.

III. Я подхожу к тем особенностям, которые характерны для содержания частушки.

Старые песни возникли в то время, когда весь народ имел общие взгляды, отдельная личность была еще скована, а образ жизни во всех слоях общества был более или менее одинаковым и когда связанные с пением и песнями нравы и обычаи отличались от современных. Но личность развивалась, и народ, который представлял собой единую общность, превратился во множество личностей с более выраженной индивидуальностью; образ жизни претерпел значительные изменения. Тогда песня перестала быть выражением взглядов, часто даже и настроений и чувств певца. Исполнитель уже не мог идентифицировать себя с сочинителем, а иногда даже считал нужным просить прощение за содержание песни. «Вы, незнакомые люди, не спорьте о песне: я ее пел, но не я ее написал», — говорится в одной латышской свадебной песне. «Из песни слова не выкинешь!» — утверждает русская поговорка, и, только принимая во внимание это обстоятельство, мы можем объяснить, что и сейчас на свадьбах поются песни, в которых выражается недобroе отношение к гостям (сват, подруга невесты и другие) и высказываются пожелания вроде следующих:

На ступень ступить — нога сломить,
На другой ступить — друга сломить,
На третий — голова свернуть...
...С хором бы тя о борону,
Да с горы бы тя о каменье...

(Шейн П. В. Великорус в своих песнях.
С. 385. № 1315)

...Три бы чирья ему в бороду,
А четвертый — то под горлышко... и т. д.

(Там же. С. 417. № 1404; ср. С. 437.
№ 1487, 1488)

В частушке отсутствует этот разрыв между исполнителем и содержанием песни. Она насквозь индивидуальна. «Каждый старается сказать свое слово, выразить свое чувство, свой взгляд на вещи, свою мысль» (*Штакельберг А. Новое время — новые песни в России // Россия. 1901. 12 нояб., № 916*). Певец в частушке или сам выражает свои переживания и настроения, или берет уже существующую частушку, которая соответствует его собственному мироощущению и чувствам или может быть к ним приближена. «Это желание передать в слове и музике свою личность в ее разнообразных проявлениях находило себе выход вообще в лирической песне, но музикальная и литературная сторона долгой песни оказались слишком сложны для передачи быстрой и разнообразной смены настроений, частушка явилась наиболее подходящей песенной формой, которой и воспользовалось это разросшееся желание постоянно говорить о себе, выдвигать себя на первый план» (Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. С. XXVI).

Так, при смене власти в Украине пели и «А кадетская власть не воротится», и «А советская власть не воротится»; или: и «А кадеты бегут — спотыкаются», и «Коммунисты бегут — спотыкаются» и т. д. (Полные тексты будут даны ниже в собрании политico-социальных частушек.)

Для нас особенно важно, что даже те ученые, которые отстаивают глубокую древность частушки, признают индивидуализацию как черту русской народной песни недавним явлением. «В сознании народа это усиленное стремление к индивидуализации — черта сравнительно новая» (там же. С. XXVI).

IV. Старая народная песня не ограничивается реальной действительностью. Она показывает либо идеальный, фантастический мир, либо украшает реальный мир идеальными чертами, выставляет этот мир в идеальном свете. Какова среда, в которой происходит действие старой песни? Певцы воспевают не деревенскую идилию, рай в шалаше, — нет, они знают только «белокаменны палаты» или в крайнем случае «высок терем» с решетчатыми сенями, с хрустальными окнами, шелковыми коврами, дорогими одеждами, сладкими блюдами и медовыми напитками.

Народ сам чувствует разницу между великолепием среды, в которой происходит действие песни, и скромной, порой даже бедной действительностью. Так, к примеру, крестьянин, у которого я в 1901 году записывал произносимую обычно на свадьбе речь свата, сделал такое замечание: «Подходишь ко крашенному пологу, а в приговоре-то говоришь: занавесочки шелковые, поднимитесь!», «Баню-то истопят сучьями да кореньями, а в песне поют: разгоритесь, дубовы дрова!».

Уже давно это несоответствие поражает исследователей; однако вера в голый реализм народной поэзии была так сильна, что это смешение идеальной и реальной жизни объясняли не особенностями формы народной поэзии и ее романтикой, а возникновением старой песни в кругу бояр и князей. В этом духе высказывалось в 1850 году еще К. Д. Кавелин: «Многие свадебные песни, сохранившиеся теперь в простом народе, по всем вероятиям, сложены и пелись сначала на боярских и княжеских свадьбах. Благородство, роскошь, упоминаемые в них, могли быть действительностью между одними высшими, зажиточными сословиями и только идеалом, мечтой для простого народа. Да, вероятно, и не одни свадебные песни так произошли. Многие из тех, которые теперь поются одними крестьянами, носят на себе следы старинного боярского и княженецкого житья-бытья» (Кавелин К. Д. [Рец. на кн.: Терещенко А. Быт русского народа. СПб., 1848] // Кавелин К. Д. Сочинения. М., 1859. Ч. 4. С. 156).

Конечно, большое количество старых «народных» песен возникло в высших слоях общества. Вместе с тем намеренное приукрашивание действительности вообще, и данной среды в частности, романтическое смешение реального мира с идеальным являются неотъемлемыми чертами старой народной песни, либо в идеальном свете изображаются и вещи деревенского быта, например, соха, лапти и т. д.:

Лапотки на нем [т. е. на калике. — Д. З.] семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико [передняя часть обуви. — Д. З.] унизано красным золотом.

(Былина об Алеше Поповиче; источник цитаты Д. К. Зелениным не назван и нами не установлен. — Т. И.)

Сошка у ратая кленовая,
Гужики у ратая шелковые,
Омешики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

(«Вольга»; Онежские былины, записанные
А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года.
СПб., 1896. Т. 2. С. 518; ср. былину «О
Вольге Святославиче»: Песни, собранные
П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1. С. 19)

Конечно, ни таких лаптей, ни такой сохи никогда ни у кого не было.

Как у нас во теплой паруше [баня. – Д. З.],
У нас каменка жемчужная,
Полочки там хрустальные,
И веничик-то – шелковый.

(Шейк П. В. Великорус в своих песнях.
С. 428. № 1445).

Печей из жемчужин существовать вообще не может.

Следующий шаг в дальнейшей идеализации переносит уже певца в
царство чудесного:

В пуговки [у Чурилы Пленковича. – Д. З.] воплетено по доброму
по молодцу,
В петельки воплетено по красной по девушке;
Как застенутся, так и обоймутся,
А расстенутся – и поцелуются.

(Дюк и Чурила; Песни, собранные
П. Н. Рыбниковым. М., 1861. Ч. 1. С. 290)

Или еще чудеснее:

По петелькам как проведет,
Так красны девушки наливают зелена вина
И подносят добрым молодцам;
А по пуговкам проведет, –
Добры молодцы играют в гусли яровчаты,
Развеселяют красных девушек.

[Источник цитаты не установлен. – Т. И.]

Отсюда недалеко уже до удивительных чудес волшебных сказок, таких как ковер-самолет, семимильные сапоги и т. д.

Насколько чужд реализм старой русской народной песне, видно из полемики между Е. Будде и С. Брайловским. Эти ученые поставили себе задачу выяснить по русским народным песням место женщины в Древней Руси. Оказалось, что оба, опираясь на одни и те же песни, пришли к совершенно противоположным выводам. С. Брайловский писал: «...положение женщины в двух периодах – девствие и замужество – весьма забавное: она любима и любит: окружена заботами и ласками любимых и любящих людей; если же жизнь ее не всегда течет спокойно, то кто же

на грешной земле живет без треволнений и горя?» (*Брайловский С. К* вопросу о положении русской женщины по бытовым песням народа // *Филологические записки*. 1886. Вып. 1. С. 23). «В играх и хороводах незаметно <...> пролетает счастливое, беззаботное времечко и незаметно настает полный возраст девушки» (там же. С. 9). А Е. Будде на это отвечает: «Мы узнаем из песен, что она (древнерусская женщина. — Т. И.) не знала, что такое любовь свободная; она не могла поступать по влечению сердца, потому что никогда не принадлежала себе, — она была вещью, которую продавали и за которой не признавали никаких прав <...> Нередко женщина служила только средством для обогащения своей семьи, из которой она выходила и которая ее продавала; самое лучшее время жизни у девушки проходит в слезах, так как участь ее наперед ей известна» (*Будде Е. Положение русской женщины по бытовым песням народа* // *Филологические записки*. 1883. Вып. 4. С. 5). «Радости в жизни русской женщины были так редки, что едва ли о них и стоит говорить отдельно: их не видать за целым обширным пространством горя» (*Будде Е. Еще к вопросу о положении русской женщины по бытовым песням народа* // *Русский филологический вестник*. 1889. Т. 22, № 4. С. 243).

Конечно, только романтический окрас старых народных песен повинен в странных взглядах обоих ученых.

В современной частушке, напротив, не остается никакого следа такой условной идеализации, такого смешения идеального с реальным; в ней в большей мере обнаруживается неискаженный, подлинный реализм, который иногда даже напоминает реализм журналистики или газетной хроники. (Примеры тому ниже; ср. также мои рассуждения и примеры в статье: *Зеленин Д. К. Сборник частушек Новгородской губернии (По материалам из бумаг В. А. Воскресенского)* // *Этнографическое обозрение*. 1905. № 2—3. С. 170 и далее.) Кроме того, частушка всегда старается отразить последние местные события политической и социальной жизни.

После рассмотрения всех названных особенностей не остается сомнений, что в частушке содержится гораздо больше новых черт, чуждых старой народной песне, чем старых, которые у песни и частушки — общие.

Далее на основе отдельных особенностей истории русской народной песни могут быть выделены следующие периоды:

1. Древний период, в котором песня была теснейшим образом связана с напевом (в еще более раннее время она была неразрывно связана с ритуалом), и поздний период, в котором связь между текстом и напевом слабеет или даже совсем исчезает, так что стихи, вирши, вытесняют песню.

2. Древний период, в котором индивидуализм и выдвижение личности на первый план были чужды песне, когда личность поэта и певца была или полностью поглощенанацией, или находилась в подчинении у последней; и новый период, когда личность поэта и певца выражается в каждой строке песни (частушки).

3. Древний период, когда для песни характерен романтический оттенок, переплетение идеального (и фантастического) мира с реальным¹, и

¹ Существуют основания для предположения, что романтические черты первоначально были чужды народной песне и лишь позже проникли в нее.

новый период, когда в песне отсутствуют романтические черты идеального мира и трезвый реализм приближает песню (частушку) к публицистике.

4. Древний период, пожалуй, характеризуется еще и тем, что в нем частушка (точнее, ее предшественник — плясовой припев) была неразрывно связана с танцем, в то время как в Новое время эта связь отсутствует.

Если принять такое деление, то сегодняшняя частушка по всем четырем параметрам принадлежит сегодняшнему времени. Хотя мы не можем обозначить точно эти периоды временными границами, все же немыслимо, к примеру, имеющийся на сегодня разрыв между текстом и напевом или пышное развитие индивидуализма в песне относить к очень раннему времени.

На основании анализа этих признаков русскую народную песню можно разделить еще на два периода: с одной стороны, время ее жизнеспособности, а с другой — время ее застывания и умирания.

Из вышесказанного видно, что содержание старой песни противоречит чувствам певца и современной действительности — противоречие, которое не осталось незамеченным и певцом. Но почему же тогда певец не отказывается от старой песни? Почему он исполняет песню, которая не соответствует его взглядам, чувствам и окружающему его миру?

Потому что для исполнителя старая песня является священной, хотя и мертвой формулой; потому что эта песня почти или частично застыла.

Певец застывшую песню понимает плохо или даже вообще не понимает, поэтому часто уродует ее вплоть до неузнаваемости. Так, в 1901 году, в Вятской губернии, Яранском округе, я записал песню, в которой вместо «граф Румянцев» говорилось «кровь с румянцем отвечает». Далее мы находим в исторической песне из Казанской губернии — «Из купечества умывалася» (*Соболевский А. И.* Великорусские народные песни. СПб., 1895. Т. 1. С. 289, № 208). Невероятную чепуху содержит один из вариантов этой песни, который я записал в Вятской губернии: «В левой руке купецство несу <...> И с купца-та ле умывалася»; здесь кубец, поскольку слово не было понято, перепутан с купцом и потом был заменен на купечество (см.: *Зеленин Д. К.* Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губернию. СПб., 1903. С. 77 (Сб. отделения русского языка и литературы Имп. Академии наук; Т. 76, № 2)).

Помимо большинства обрядовых и лирических песен, в России застыли в мертвую форму также заклинания, много волшебных сказок и былин. (Недавно А. Шилов на основании анализа вариантов сказителей из Олонецкой губернии высказал сомнение в том, что былины прекратили свое развитие; точнее, однако, будет объяснить разную степень окаменелости некоторых былин сознанием отдельных сказителей. См.: *Шилов А.* [Рец. на кн.: Русская устная словесность / Под ред., с вводными статьями и примеч. М. Сперанского. М., 1916 — 1919. Т. 1—2] // Дела и дни. 1920. Кн. 1. С. 486.)

Напротив, народные новеллы, шутливые свадебные речи сватов, а также песни невесты во многих местах еще сохраняют свою жизнеспособность. В последние пятьдесят лет частушки, естественно, развились сильнее всех: тысячи их появляются ежедневно, и из этих тысяч широко распространяется, вероятно, лишь несколько сотен.

Итак, в истории русской народной поэзии можно выделить еще два периода: время полной жизнеспособности и время окаменения. Первый

период показывает юношескую свежесть, второй — старость, постепенное умирание. С этой точки зрения частушка опять же принадлежит первому периоду, и в этой же связи она является новой, молодой песней.

Но остается вероятность, что окаменевшие виды народной поэзии со временем снова возродятся, снова станут молодыми и жизнеспособными, т. е., возможно, у народной поэзии есть также свой жизненный круг; так что, к примеру, окаменевшие былины вновь когда-нибудь могут стать живыми. Относительно этого, правда, могут высказываться только предположения, так как нет никаких фактов, которые могли бы подтвердить существование этого жизненного круга.

Общий результат нашего исследования следующий. Сегодняшняя частушка, хотя и связана генетически со старыми песнями, прежде всего с плясовыми припевами, имеет так много отличных от старинной песни черт, что ее нужно считать новым видом народной лирики. Новым, конечно, не в том смысле, что она впервые появилась в XIX веке. Частушка могла существовать уже в XVII и даже в XVI веке.

Я делаю решительное различие между сегодняшней частушкой и плясовыми припевами (один из старейших видов народной поэзии), хотя одно является потомком другого. Плясовые припевы распространены и сегодня, но они органически связаны с пляской, чего нельзя сказать о частушке.

Когда у плясового припева (который также иногда называют «скоморошина») исчезла органическая связь с танцем, из припева появилась частушка, разновидность народной поэзии, которая близко стоит к стихам. Этот процесс развития древнего припева в частушку протекал, вероятно, медленно; едва ли он начался позднее XVII века, возможно, даже, что его начало следует отнести к еще более раннему времени. Резкий перелом в истории развития частушки произошел, однако, во второй половине XIX века, когда частушка приняла современный стихотворный вид, который до этого не был привычным и был мало распространен (Г. И. Успенский сделал это наблюдение еще в 1889 году). Некоторые отдаленные великорусские области не знают частушки до сих пор — это еще одно доказательство, что частушка как особый вид народной поэзии не может быть древним и что своим относительно широким распространением в деревне он обязан позднейшей моде.

Частушка по сравнению со старой народной песней маломелодична — недостаток, который первоначально слаживался аккомпанементом гармони. Эта тесная связь гармони и частушки была нарушена лишь в самые последние годы, когда частушка проникла и в город. Городская частушка — сначала в театрах и балаганах, потом в журналах и литературе — появилась в начале XX века. Валерий Брюсов (см.: *Брюсов В. Urbi et Orbi: Стихи 1900 — 1903 гг. М., [1905]. С. 23 — 36* (раздел «Песни»)) был одним из первых поэтов, кто создал образцы литературной частушки, которые подражали деревенским. В сегодняшней частушке городские и деревенские элементы поэзии тесно связаны, так что часто невозможно определить, появилась ли данная частушка в городе или деревне.

Итак, частушка произошла от ритуального плясового припева, от которого она переняла важнейшие особенности формы — краткость, рифму и быстрый темп. После того как частушка отделилась от пляски, она приблизилась к лирической песне, но не была ею поглощена благодаря выше-

названным формальным различиям. Последовательное уменьшение музыкального элемента, которое в конце концов привело к его полному исчезновению, сильно выраженный реализм и индивидуализация содержания резко отделяют частушку от лирических песен и отводят ей особенное место в народной поэзии.

Для пояснения моих тезисов я приведу ряд сегодняшних частушек социально-политической тематики, которые я собрал в 1921 и 1922 годах вместе со своими слушателями¹ в Харькове и в других областях Украины, а также и в прилежащих великорусских губерниях.

Здесь взята только политическая частушка, но сделано это не из-за какого-то предвзятого к ней отношения, а на основании следующих соображений: политическая частушка может быть легко датирована, чего нельзя сделать с обычными частушками, отражающими повседневный быт и любовь. Почти все приводящиеся ниже частушки возникли после 1916 года, поскольку они отражают события и настроения революционного времени. Далее. Частушки бытового характера отражают лишь незначительные факты и события, которые к тому же известны исключительно узкому кругу земляков и заинтересованных людей. По этим причинам по такой частушке почти невозможно понять, как в ней отражаются соответствующие события. Напротив, политическая частушка отражает важные и всем известные события, поэтому каждый может проследить, как преломляются в ней события, составляющие ее содержание.

Кроме содержания и темы, политическая частушка ничем не отличается от обычных частушек, посвященных быту и любви. Поэтому нет никакой методической ошибки, если результаты анализа политической частушки будут распространены и на все прочие ее виды.

Рассматриваемые здесь частушки разрабатывают преимущественно два мотива: «Яблочко» и «Бочонок». Частушки первого типа начинаются словами «Эй, яблочко, куда котишись» или просто «Эх, яблочко». Стереотипное начало второго вида частушек звучит так: «Я на бочке сижу (бочка котится)».

История этих двух стилистических рядов мне неизвестна в полной мере. Однако имеются некоторые отправные точки, позволяющие представить эту историю следующим образом. На Украине давно уже известна песня:

Котись, яблочко,
Куда котишись;
Віддай, таточко,
Куди хочется.

Сравнительно недавно эта песня была включена в печатный сборник песен (см.: Хрестоматія по українській літературі для народніх вчителів, школ учительських та середніх і для самоосвіти / Зложили: М. Сумцов і М. Плевако при участі Д. Багалія. Харків, 1918. С. 23) и поэтому в той версии, которая дана нами, получила широкое распространение среди городского населения. Новейшие варианты, записанные в 1921 году в Харькове и Ростове, — все еще не политические, — звучат следующим образом:

¹ Здесь уместно поблагодарить моих слушателей и знакомых, которые для меня собирали частушки.

Ой, яблочко,
Да куда котища?
Ой, мамочка,
Да замуж хочется —
Не за старого,
Не за малого,
За солдатика
Разудалого.

В 1917 году в Ростове появился новый — на этот раз политический — вариант этой песенки:

Ой, яблочко,
Да куда котища?
Ой, мамочка,
Да замуж хочется —
Не за Троцкого,
Не за Ленина,
За донского казака
За Каледина.

Названные вожди выступают здесь не как конкретные и тем более не как независимые личности, а исключительно как представители определенных политических партий. Говорят, что публичное исполнение этой политической частушки вызывало иногда (в Нахичевани?) репрессии со стороны властей — обстоятельство, которое способствовало еще большему распространению этой песни.

В названной частушке следует видеть одну из самых ранних политических редакций «Яблочка» по следующим соображениям. Если исходить из ее содержания, эта редакция не могла появиться после 1917 года. Она более других вариантов похожа на старую неполитическую редакцию «Яблочка». Хотя она и не отличается особым остроумием, эта редакция широко распространена и сегодня, когда имя Каледина уже полузабыто.

Кроме того, очевидно еще в 1917 году в Одессе (или в Николаеве?), независимо от варианта из Донской области, возникла новая политическая редакция «Яблочка», которая быстро стала популярной и породила бесконечное количество вариантов того же типа.

Ой, яблочко,
Куда котишься?
На «Алмаз» попадешь,
Не воротишься!

«Алмаз» — это военный корабль, на котором офицеры белой армии были осуждены и казнены. Очень скоро эта редакция распространилась по всей Южной России среди матросов, красногвардейцев, железнодорожников и другого народа и стала чуть ли не везде известна в различных вариантах (ср. ниже № 19, 44, 57, 66).

Можно сомневаться в точности изложенной истории «Яблочка», так как уже она основывается больше на предположениях и гипотезах, чем на неоспоримых свидетельствах; но, во всяком случае, нельзя сомневаться в украинском происхождении этого мотива. Еще в 1921 году «Яблочко» в Северной России (Пермь, Петербург, даже Гомель) было совершенно неиз-

вестно. К тому же форма «котища» (с «о», а не с «а») чужда северорусским диалектам: песенный символ «яблочко» редко встречается в великорусской поэзии; в то время как в старой украинской песне этот символ весьма распространен, и по Костомарову (см.: *Костомаров Н. И. Историческое значение южнорусского народного песенного творчества // Беседа. 1872. № 8. С. 42*), означает любовь и приветливость.

Напротив, стилистический мотив «бочка» несомненно был пересажен на Украину из Великороссии. Уже в 1912 году в Архангельской губернии была записана следующая частушка:

Я на бочке сижу,
Бочка катится;
Теперь миленький не любит,
После скватится.

(Сборник великорусских частушек / Под ред. Е. Н. Елеонской. М., 1914. № 21)

Однако первоначальная форма этого мотива, видимо, звучала так:

Я на бочке сижу,
Бочка катится;
Денег нет ни гроша,
Выпить хочется.

Эта песня возникла, очевидно, в старых откупных кабаках, где вино продавалось в кружках, наполняемых из бочек, и всегда даты действительно часто должны были сидеть на пустых винных бочках.

В дальнейшем частушки будут даваться в следующем порядке: I. Начало революции. II. Социальный переворот. III. Гражданская война. IV. Украинофилы. V. Махно. VI. Общественная и хозяйственная жизнь.

I. НАЧАЛО РЕВОЛЮЦИИ

Из явлений, относящихся к началу революции, в частушке нашли отражение следующие: любовь к политическим собраниям, новая революционная терминология (волшебная сила новых слов, таких как революция, пролетарий и т. д.), проснувшееся политическое самосознание и создание политических партий.

1. Растоптала я ботинки,
А мой милый — сапоги;
Каждый день ходи на сходки,
Митинги да митинги!

(Новохоперский уезд)

3. Сидел милка на крыльце
С «революцией» в лице;
А я думала, думала —
Подошла да плюнула!

(Новохоперский уезд)

2. Я вчерась на митинге
Говорил «по поводу», —
Меня треснул кто-то сзади
«По прямому проводу».

(Харьков)

4. Сидит милый на заборе
С выражением во взоре;
Карла Маркса он читает,
Ничего не понимает!

(Харьков)

5. Мне не надо калачу,
И не рад я бублику.
Одного теперь хочу:
Подавай «решпублику»
(Пермь)

6. Поцелую глаз твой карий,
Глаз твой замечательный —
Оттого что *пролетарий*
Оченно *сознательный*.
(Харьков)

7. а) Пролетел паровоз,
б) А за ним птичка:
с) Мой муж (вар.: миленок)
 большевик,
д) А я *меньшевичка*.
(Харьков)

Варианты:

а) В моем саду

б) Поет залетная птичка
(Усманский уезд)

а) Я на бочке сижу,
б) А под бочкой птичка;
д) А я *большевичка*.
(Харьков)

8. В окиане плава'т кресер,
А кругом водичка;
Мой миленок — левый *есер*,
А я — *большевичка*!
(Пермь; ср. № 51 и далее)

9. Ой, яблочко —
Половиночка;
Вот идет *большевик*,
Как картиночка!
(Киев)

10. Едва ли следующая частушка, которая указывает на начало революции, появилась до 1917 года:

Эх, яблочко
Да покатилося;
Эх, царская власть
Да провалилася!
(Харьков)

11. Напротив, маловероятно, что монархическая частушка, подобная следующей, могла возникнуть после 1917 года.

а) Огурчики зеленые,
б) Редиска молодая!
с) Не надо нам свободы,
д) Отдайте Николая!
(Харьков)

а) Огурчик малосольный,
с) Ой, не надо нам коммуны,
д) Подавай нам Николая!
(Харьков)

II. СОЦИАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

(Борьба с «буржуями». ЧК. Матросы)

12. Ой, яблочко
На тарелочки;
Оббирай буржуев

До копеечки!
(Константиноград, куда она пришла из Одессы)

13. Ой, яблочко
Под акацию;
Капут буржуям,
Спекуляции!

(Купянск)

14. Не надо нам министров,
б) Не надо нам царей;
Бей буржуазию,
д) Товарищи, скорей!

(Харьков)

б) Не надо нам царя,
д) Товарищи, ура!

15. Матросы защищали
Геройски революцию;
С буржуев же собрали
Большую контрибуцию!
(Лозовая)

16. а) Буржуйчики, буржуйчики,
б) Позвольте миллионы!
Теперь наше правление,
Теперь наши законы!
(Харьков)

В неполитических частушках и тех, что отражают жизнь, часто появляются матросы в качестве самых активных участников революции. Ср.:

21. Грудь открыта,
Брюки — клеш,
Говорит:
«Даешь — берешь!»²
(Харьков)

Вариант:
Рожа брита,
Грудь открыта,

а) Буржуй без рассужденья
б) Отдаст свои мильоны.
(Новооскольский уезд)

17. Я на фронте не был —
Дезертировал;
За свободу —
Буржай реквизировал!
(Рыльский уезд)

18. Настали новые порядки,
Реквизинули все манатки!
(Харьков)

19. Эй, яблочко,
Куда котишься?
с) В чрезвычайку попадешь —
Не воротишься!
(Киев)
с) Попадешься у Чеку
(Ростов-на-Дону)

20. Матрос, люби мене,
Юбку-клеш купи мене!
А за эту юбку-клеш
В чрезвычайку попадешь!
(Харьков)

Брюки клеш,
«Даешь — берешь».
(Таганрог)

22. Матрос идет —
Спотыкается,
На клеш наступает,
Бога лает.
(Рыльский уезд)

¹ Собственность.

² Лаконическое выражение при покупке товара: Покупаешь? Продаешь?

III. ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА

(**Военные настроения. Высмеивание противника. Смена власти и эвакуация**)

23. Белая гвардия,
Красная рать!
Кому прежде из вас
Умирать?!
(Харьков)

Стихотворение, которое раньше было принято называть «Наблюдения на поле битвы»:

24. а) Пароход идет,
б) А дым кольцами;
с) Будем рыбку кормить
Добровольцами!

(Харьков)
а) Пароходы плывут,
б) Вода кольцами;
с) Будем рыбку кормить
(Горловка в Донской области)

25. Ой, яблочко,
Катись парами;
Будем рыбку кормить
Комиссарами!
(Киев)

26. Шкалоновка¹,
Качай воду:
Мы боремся
За свободу!
(Константиноградский уезд)

27. Паровоз — «Дикапод»²,
Новые вагоны;
А кадеты — дураки,
Бьются за погоны!
(Купянский уезд)

28. Я на бочке сижу,
С бочки вода льется;

А мой милый далеко —
С кадетами бьется!
(Константиноградский уезд)

29. Гайдамаки и Петлюра,
Это — просто черти!
А товарищ большевик
Не боится смерти!
(Рыльский уезд)

30. Большевик, большевик,
Куда топаешь?
К гайдамакам попадешь —
Пулю слопаешь!
(Рыльский уезд)

31. [В противоположном лагере]:
Я на бочке сижу,
А на бочке птичка;
Режь, бей большевиков —
Вот наша привычка!
(Полтава)

32. Еропланы летят,
Бомбы котутся,
Комиссарчики бегут,
Жиды прячутся.
(Таганрог)

¹ Деревня в Екатеринославской губернии, где в 1920 году находился Буденный со своими войсками.

² Система локомотива; обозначена словами рабочего-металлиста.

33. Офицер молодой,
Погон беленький!
Утекай на Кубань,
Пока целенький!
(Харьков)

34. а) Буржуй молодой,
б) Зачем женишься?
с) Коммунисты придут,
Куда денешься?
(Новооскольский уезд; ср. № 70)

а) Офицер молодой,
б) Чего женишься?
с) Вот коммуна идет
(Харьков)
а) Комиссар, комиссар,
б) Что ты женишься?
с) Скоро белые придут
(Таганрог)

35. Ай, у Курске дош идеть,
А в Харькові склиско;
Уткайти, кадетики:
Таварищи близко!
(Константиноградский уезд; ср. № 49)

Вариант:
Я на бочке сижу,
Под бочкою склизко;
Утекайте, деникинцы:
Коммунисты близко!
(Рыльский уезд)

36. Картошки цветут –
Осыпаются;
Коммунисты бегут –
Спотыкаются!
(Новохоперский уезд)

37. Ох, яблочко
В гору лапками;
Пришли товарищи
За порядками¹.
(Купянский уезд)

38. После бани
На Кубани
Мы приехали
В Крым отдохать!
(Крым)

Так высмеивало население Крыма в 1920 году приверженцев Деникина.

39. Эх, яблочко
Пер'катилося;
А Петлюра и Деникин
С Украины удалился!
(Ростов-на-Дону)

40. А Деникин генерал
Очень храбрый господин:
Его войско все разбито,
И остался он один!
(Харьков)

41. На столе лежит горох,
А в тарелке виноград;
Николай пропил Россию,
А Деникин – Петроград!
(Харьков; ср. № 81)

42. Ох, яблочко,
Куда котится?
А кадетская власть
Не воротится!
(Харьков)

43. Я на бочке сижу,
Бочка котится;
А советская власть
Не воротится!
(Харьков)

44. Ах, яблочко,
Куда котишься?
Перевернешься –
Не воротишься!

¹ Чтобы установить порядок после анархии.

Ах, яблочко
Закатилося!
Советская власть
Воротилася!
(Рыльский уезд)

45. Ой, яблочко
Да наливается;
А советская власть
Укрепляется!
(Харьков)

46. [Результат гражданской войны]:
а) Я на бочке сижу,

б) А под бочкой каша;
с) Троцкий Ленину сказал:
Вся Россия наша!
(Харьков)

а) Я на печке сижу,
б) А в духовке каша
(Таганрог)
а) На столе стоит тарелка,
б) На тарелке каша;
с) Ленин Троцкому сказал
(Грайворонский уезд)

IV. УКРАИНОФИЛЫ

(Гражданская война в представлении украинофилов.
Политическое самосознание украинцев.

Украина, оккупированная немцами. Украина и Москва)

47. Показался дымок,
А за ним казаки:
Геть, тікайте, добровольці,
Бо це гайдамаки!
(Харьков)

48. Налетели «гайдамашки»
Да с Петлюрою;
Забегали тут мурашки
По-за шкурою!
(Харьков)

49. У Київі дощъ іде,
А в Полтаві слізъ;
с) Бережися, коммуністи,
д) Бо Петлюра близько!
(Полтава; ср. № 35)

с) Утікайте, таварищи,
д) Петлюровець близько!
(Константиноградский уезд)

50. Гей, советская власть
Нос повесила!

Как Петлюра придет,
Будет весело!
(Харьков)

51. Гей, яблочко,
Красная половинка!
Мой муж большевик,
А я украинка!
(Харьков; ср. выше № 7–8)

52. Ой, из саду, из саду
Вылетела качка;²
Де-сь³ мой милый гайдамак?
А я гайдамачка!
(Константиноградский уезд)

Варианты:
а) Сижу я на бочке,
А под бочкой качка;
Мой муж большевик,
А я гайдамачка!

(Прилуки)

¹ Очевидно, имеется в виду взятие Киева Петлюрой и поляками в мае 1920 г.

² Утка.

³ Где-то?

b) Я на бочке сижу,
А под бочкой яма;
Мой муж гайдамак,
А я его дама!

(Харьков)

c) Я на бочке сижу,
А на бочке птичка;
Мой муж гайдамак,
А я большевичка!

(Харьков)

d) Я на бочке сижу,
Вылетела птичка;
Мой мильй гайдамак,
А я большевичка!

(Харьков)

e) Сижу я у садочки,
А на ветке птичка;
Мой муж гайдамак,
А я большевичка!

(Прилуки)

53. Гей, яблочко,
Бойся Каина!
Хай живе та навіки
Україна!

(Харьков)

Летом 1918 г. один куплетист, исполнявший данную частушку со сцены Харьковского театра Тиволи, был арестован.

58. Украина, Украина,
Нашто хлеб отдаешь?³
Ты не знаешь, моя мила,
Сама с сумкою пойдешь!

(Константиноградский уезд)

59. Украина — страна
Хлебородная (вар.: благородная),
Немцу (вар.: немцам) хлеб отдала,
Сама голодная!

(Константиноградский уезд,
Прилуки; ср. № 65)

60. Самостійная
Ты Украина!

54. Гей, яблочко
Покатилося!
Украина от России
Отделилася!

(Харьков)

55. Украина, Украина!
У тебя три хозяина:
Коммунисты, анархисты,
Буржуазия!

(Прилуки; ср. № 60)

56. Спекулянты, спекулянты,
Вам всем весело;
А Україна наша рідна
Нос повесила!

(Константиноградский уезд)

57. Украина, Украина,
Куда котишься?
Немцам в руки (вар.: в зубы)
попадешь,

Не воротишься!

(Харьков, Прилуки, Константиноград)

Почему у тебя
Два хозяина?
(Харьков; ср. № 55)

61. Эх, яблочко,
Да украинское;
Эх, съест тебя (вар.: Сожрет тебя)
Да рыло свинское!

(Харьков)

62. Эх, яблочко,
Да на веточек;
Украина моя
В Москве в клеточке!

(Харьков)

¹ Подразумевается: немцам.

63. Говорят, говорят,
Что я [Украина] продана [Москве],
А в коммуну иттиль
Я не згожена!
(Константиноградский уезд)

64. Я на бочке сижу,
А под бочкой каша;
Вы не думайте, кацапы,
Што Вкраїна ваша!
(Харьков)

65. Украина
Да хлебосольная:
Москвичей всех накормила,
А сама голодная!
(Прилуки; ср. № 59)

66. Украина, Украина,
Куда котишься?
До Москвы попадешь,
Не воротишься!
Я в Берлине была —
Воротилася!
А в Москву попаду —
Ще¹ скорей прибежу!
(Полтава)

Вариант:
Украина, Украина,
Куда котишься?
К Деникину попадешь,
Не воротишься!
(Тамбовская губерния, 1919 г.)

V. МАХНО И МАХНОВЩИНА

67. Рассыпайтесь, лимоны,
По чистому полю;
Собирайтесь, махновцы,
К батьку в Гуляй-Поле!
(Харьков; переработка «Ракловской песни»)

Раскатилися лимоны²
По чистому полю;
Собираитесь, блатные³,
Сто кусков⁴ на долю!
(Харьков)

68. Я на бочке сижу,
Бочка вертится;
Записался я в коммуну —
Махно сердится.
(Константиноградский уезд)

69. Ой, яблочко
И с листочками;
Прийдет (вар.: идет, едет) батько
Махно

И с сыночками!
(Купянский уезд, Харьков,
Константиноградский уезд)

70. Ой, Стешечка,
Нашто женишься?
Приде батько Махно,
Куды денешься?
(Константиноградский уезд;
Стешечка — Степан, милиционер,
Махно уничтожил милицию;
ср. № 34)

71. Утекайте, большевики,
Со коммуной:
До нас прииде Махно
Со Петлюрою!
(Константиноград)

72. Ой, батько Махно
В трубочку играеть,
А Артем с буржуюми
З города тікаеть!
(Константиноград; Артем —
помощник начальника
государственной стражи в
Константинограде в 1919 г.)

73. Одна гора высока,
А другая низка,
Хоть Петлюра далеко,
А Махно вже близко!
(Константиноградский уезд)

¹ Еще.

² Миллионы.

³ Воры.

⁴ Сто тысяч.

74. Я на бочке сижу,
Міні усе видно:
Махно ріже буржуїв,
А Петлюрі стыдно!
(Полтава; в 1919 г. приверженцы
Махно заняли Умань и убили там
всех состоятельных людей.
Петлюра был тогда в союзе
с Махно)

75. [Юдофобия Махно]
а) Ераплант высоко
б) Подымается;
Махно жида зануздал,
Да й катается!
(Константиноградский уезд)
а) Ах, яблочко
б) Рассыпается
(Полтавская губерния)

76. Махно спить, Махно спить,
А Будениц будя;
Не журитесь, християня,
Каммуны ни будя!
(Константиноградский уезд;
в январе 1921 г. отряд Буденного,
который стоял в Константино-
градском уезде, перешел к Махно.
По этому поводу появилась частушка
№ 76)

77. Спikuлянт молодой
Спikuлируя,
А Троцкий с Махном
Ликвидируя!
(Ср. № 128. Константиноградский
уезд. По поводу ситуации 1920 г.,
когда и представители советской
власти, и приверженцы Махно
преприняли обыски и реквизиции)

78. А махновцы на лету
Одеваются:
Так махновцы в англичан
Превращаются!
(Бердянск. Приверженцы Махно
грабили белогвардейцев, одетых
в английскую форму)

79. Не гуляла я с Махной,
Не была в Кронштадте я,
А теперь я с тобой,
Ты моя симпатия!
(Харьков)

80. [Разочарование в махновщине]:
Ой, яблочко,
Ты румяное!
У Махно-то все
Войско пьяное!
(Киев)

81. На столе стоит тарелка,
Под тарелкой виноград;
Обманул Махно Россию,
А Петлюра — Петроград!
(Харьков; ср. № 41)

82. Любил меня махновец,
Любил меня кадет,
Любил меня петлюровец —
Теперь их уже нет!
(Константиноград)

83. [Разочарование среди привер-
женцев Махно]:
Ой, яблочко,
И с цыбулею;
Надоело воевать
И с коммуню!
(Константиноградский уезд)

VI. ОБЩЕСТВЕННАЯ И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

(Продразверстка. Бандитизм. Упадок промышленности. Продовольственный кризис.

Разграбление государственной собственности. Спекуляция)

84. Вся власть Советам,
Земля кадетам,
Деньги большевикам,
А плетки — мужикам!

(Константиноградский уезд.
Частушка пословичного типа,
пародирующая оглашение нового
агарного закона, вышедшего в 1920 г.)

85. Мужики — дураки,
А мы коммунисты:
Они будут сять-жать,
А мы будем істы!
(Кременчугский и Купянский уезды)

Вариант:
Не журися, Хайка,
Што мы коммунисты:
Хохлы будут сять,
А мы будем істы!
(Константиноградский уезд)

86. Ой, яблочко
Революции;
Мы с деревни сдерем
Контибуцию!
(Константиноградский уезд)

87. Украина, Украина,
Што за нация!
Только знаешь грабежи,
Спекуляцию!
(Константиноградский уезд. Точка
зрения великого, где в 1920 г. был
восстановлен порядок. Ср. № 122)

88. Повсюду идет провокация,
Убийство, грабеж, спекуляция!
Спекулянты спекулируют,
Солдатики реквизируют!
(Рыльский уезд)

89. Обычные картинки
Царят во мраке ночи;

Снимают с вас ботинки,
Часы, пальто и прочее.
(Харьков, Ростов-на-Дону)

90. Ой, яблочко
У бутылочки;
Скидай френч, галифе
Да и ботиночки!
(Константиноградский уезд)

91. Бандиты в ус не дуют,
И не страшат их пытки,
И ловко фабрикуют
Советские (вар.: Керенского)
кредитки!
(Полтава, Ростов-на-Дону)

92. Братва с шахт теперь уходит
На различный промысел;
Вместо кирки теперь надо
Ведер и коромысл!
(Купянский уезд. По поводу
затопленных шахт, из которых надо
было выкачивать воду)

93. В шахтах вода —
Это все эрунда;
Этим нас не удивишь —
Вместе угля видим шиш!
(Купянский уезд)

94. Если будем мы с ведром
Таскаться долго по воду, —
Пошли жалобу в Москву
По прямому проводу!
(Харьков)

95. В гублескоме все жужжат,
Точно пчелы ульями;
А зимою я топлю...
Креслами да стульями!
(Харьков)

96. Деревянные ботинки
Пользу всякому дают:
Если кто-нибудь потонет,
То ботинки хоть всплынут.
(Харьков)
97. Бьет губздрав меня по морде,
А лекарства нет как нет:
И вчера мне дали ордер...
Отправляться на тот свет!
(Харьков)
98. А в губздраве все спокойно,
Вовсе-вовсе нет больных,
И аптеки позакрыты,
И кафе открыты в них.
(Харьков)
99. По рублю хлеб,
По семь яица,
Неужели все народы
Сам-определяются?!
(Пермь, 1917 г.)
100. Говорят, что и в лесу
Все деревья описали,
Даже белочкам на шишки
Карточки раздали!
(Москва, 1917 г.)
101. Рассердился на нас Бог,
б) Сам ушел на небо,
с) А нам велел выдавать
По осьмушке хлеба.
(Харьков)
б) Улетел на небо,
с) И оттуда посыпает
(Таганрог)
102. Нет ни сахару, ни чаю,
Нет ни хлеба, ни вина...
Вот теперь я понимаю,
Что Россия спасена!
(Харьков. Пародия на старую
солдатскую песню, где четвертая
строчка звучала так: «Што я пралора
жена»)
103. Юбка — клеш,
Ботинки — «Вера»,

- На плечах...
Картошеч мера!
(Новохоперск)
104. С сахарином чай пила,
А наутро померла;
Сахарин — один пакет
Отправляет на тот свет!
(Харьков)
105. При царе и богачах
Жили мы на калачах;
А дали нам свободушку —
Хлеб печем с лебедушкой!
(Ижевск, Вятская губерния)
106. Як ни було забастовки,
Пекли жінки хліб з вальцовки;
Як республику зібрали,
Хліб з амбаров весь забрали!
(Грайворонский уезд)
107. Був Микула дурачок,
Була булка п'ятачок;
Теперь стали коммунисты,
И ничего стало істъ!
(Грайворонский уезд)
108. Никола, Николаша,
При тебе была мука и каша;
Заступили кадеты —
Мы разуты, раздеты;
А при вас, большевики,
Нет ни каши, ни муки!
(Тамбовская губерния)
109. Троцкий Ленину сказал:
Пойдем, Володя, на базар,
Купим кобылу карюю
И накормим пролетария!
(Харьков)
110. Вставай, пайками
закормленный,
Спеши в Полтаву за мукой!
Снимай рубашку и кальсоны
Своей собственной рукой!
(Харьков)

111. [Столовые общественного питания при советской власти]:
От обеда в главстоловке
Главжелудок бесится;
Дайте, дайте главверевку,
Чтобы главовеситься!
(Харьков)

112. В правой руке я держу
талончик,
В левой — русский котелок;
Предвкушаю с мясом скушать
супчик,
Получаю — с крупкой кипяток.
(Харьков)

113. Уважаю завсегда
Кухню я французскую,
Например, перловый суп
С гречневой закускою!
(Харьков)

114. Похоронили «Яблочко»,
Остался один кончик;
А теперь вся наша жизнь —
Кисленький лимончик.
(Харьков)

115. Комиссар, комиссар,
Чево задаешься?
Раз украд, два украд,
Третий — попадешься!
(Курск; ср. № 127)

116. Не хожу я в сарафанах,
А ношу теперь шевьют:
Мой муженек в комиссарах —
Сколько хочешь накрадет!
(Харьков)

117. Наш Ванюха
Преднезамом¹,
И на месте этом самом
Наживается!
(Харьков)

118. А у меня дома есть
Две корзинки с розами —

Потому что я знакома
С разными завхозами.
(Харьков)

119. Я начснаб из Укрувуза,
Всех сотрудниц я кумир;
Отращу себе я пузо —
И начхать на весь мне мир!
(Харьков)

120. Раньше был я слесарь,
Починял я трубы;
А теперь я комиссар,
Ревизую клубы!
(Харьков)

121. Был я злостный дезертир,
Подвергался строгим мерам,
А теперь я поступил
Старшим милиционером.
(Харьков)

122. Украина, Украина,
Што за нация:
Всюду гонят самогон —
Спекуляция!
(Николаев Херсонской губернии;
ср. № 87)

123. Паровоз, паровоз,
Как тебе не стыдно:
Спекулянтов насажал,
И тебя не видно!
(Бахмут)

124. Я сижу на бочке,
Под бочкою склянка;
Мой муж коммунист,
А я спекулянтика.
(Купянск)

125. Не хочу тебя любить,
Буду саботировать;
В Хапео² поступлю —
Буду спекулировать.
(Харьков)

¹ Преднезам — председатель комитета незаможных крестьян.

² Харьковское потребительское общество.

126. Ой, яблочко
Наливается;
Спекулянт на муке
Наживается.
(Харьков)
127. Спекулянт, спекулянт,
Чево задаешься?
Раз провез, два провез,
В третий – попадешься!
(Купянск, Курск; ср. № 115)
128. Спекулянтики
Спекулируют,
А товарищи придут –
Реквизириуют.
(Харьков; ср. № 77)

129. Вышли мы все из вагона,
Соль отобрали у нас.
Что это есть за свобода?
Что за советская власть?
(Харьков)

130. Ох, если б я был
С рукой могучей, –
Спекулянтов я бы вешал
Целой кучей!
(Ростов-на-Дону)
131. Спи, дитя мое родное,
Бог твой сон хранит:
с) Твоя мама спекулянтка
д) В Лозовой сидит.
День и ночь муку таскает,
Пироги печет:
На Благбаз¹ она таскает,
Деньги все берет.
(Харьков. Пародия на «Баронессу» –
песню-шансон, которая пришла из
Петербурга. Сточки с-д) там звучат
так: «Твоя мама шансонетка /
По ночам не спит».)

Подготовка к печати Т. Г. Ивановой

¹ Благбаз – Благовещенский базар в Харькове.

Заветные частушки из собрания А. Д. ВОЛКОВА
В 2 т. Т. 2. Политические частушки / Сост. А. В. Кулагина. – М.:
Ладомир, 1999. – 500 с. («Русская потаенная литература»)

ISBN 5-86218-338-8 (т. 2)

ISBN 5-86218-336-1

Впервые публикуется уникальная отечественная коллекция эротических и политических частушек (почти 14 тыс.), в которых, словно в зеркале, отразилась история России XX века (от Октябрьской революции до послеперестроечных времен).

В связи со спецификой публикуемых текстов («не для печати») двухтомник адресован узкому кругу специалистов по фольклору и этнографии, а также культурологам, лингвистам, психоаналитикам, сексологам, социологам, политикам, историкам и другим специалистам, занимающимся проблемами, прямо или косвенно связанными с тематикой *потаенных* частушек.

Издание подготовлено ведущим специалистом по русскому фольклору профессором МГУ А. В. Кулагиной.